

УДК 398(=511.1):398(=35)(045)

*А.Р. Гашарова***ФИННО-УГОРСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ДАГЕСТАНА:
ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье приводятся типологически общие или близкие по сюжету фольклорные тексты финно-угорских и дагестанских народов, в них выделены этноспецифические особенности, посредством которых проявляются национальная культура, традиции, самобытность и менталитет. Цель работы – рассмотреть особенности фольклора народов, относящихся к финно-угорской группе языков, и выявить в нем соответствия с устным творчеством народов Дагестана с целью установления типологических связей между ними. В работе делаются выводы о схожести и общности фольклорных сюжетов, а также национально-специфическом своеобразии каждой из рассматриваемых народностей. Основываясь на генетическом методе исследования, мы пришли к выводам об основных истоках и наиболее важных причинах, которые породили типологическую общность и схождения в приводимых фольклорных материалах. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе фактического материала исследуется степень сближения некоторых сюжетов и мотивов неродственных народов. Причины этого сближения обусловлены историческими реалиями. Данная тема ранее практически не исследовалась.

Ключевые слова: фольклор, финно-угорские народы, народы Дагестана, типологическое родство, фольклорные параллели.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-481-488

В статье рассматриваются типологические связи в фольклоре финно-угорских и дагестанских народов. Причины и факторы возникновения этого уникального фольклорного и языкового явления сложно истолковать, потому что при типологических схождениях речь идёт об идентичных мотивах и аналогичных принципах, отражённых в народном творчестве, а не о контактных связях народов, близких географически и территориально, и не о межэтнических взаимоотношениях. Как известно, «многоязычная фольклорная общность – явление историческое. Она способна объединять народы, не родственные в языковом, этническом отношении, что сказывается в появлении новых общностей в соответствующих отношениях» [34, р. 1775].

Фольклор финно-угорских народов – сложное единство, порождённое многовековым историко-культурным развитием региона. Это единство свидетельствует о наличии общих сюжетов, отдельных мотивов и образов, обусловленных взаимосвязями этих народов и близостью традиций их духовной культуры.

При уникальном многообразии и характерных особенностях фольклорной общности народов Дагестана [33, с. 4; 32] сложно судить об общедагестанском фольклорном единстве [1, с. 11].

Впервые предположения об исторических закономерностях типологических связей и возможных контактах в эпике финно-угорских, тюркских, восточнославянских и кавказских народов были высказаны известным финно-угроведом и фольклористом В.Е. Евсеевым [28, с. 5–16].

Обращаясь к типологическим явлениям в фольклоре, а также к истории финно-угорской филологии, следует отметить работы учёных-фольклористов А.К. Микушева [14], Н.В. Лукиной [20], Е.И. Ромбандеевой [24], В.Е. Владыкина [7], Т.Г. Владыкиной [8], Т.В. Волдиной [9], А.А. Бурькина [5] и мн. др.

Основным источником материала исследования явились фольклорные сборники [3; 5; 14; 19; 20; 25; 27; 28].

В статье применяются генетический и историко-типологический методы, а также метод аналогии как первооснова сравнительного метода изучения многих областей гуманитарного и социального знания.

В мифах, легендах и преданиях раскрывается философия и самобытный духовный мир финно-угорских и дагестанских народов, который следует рассматривать в диалектической связи культуры как общественно-социального явления со степенью общественно-исторического развития, с учётом региональных исторических особенностей.

В устно-поэтическом творчестве рассматривается окружающий мир во всем его разнообразии и противоречивости. Поэтому в мифах представленных этносов можно проследить попытку объяснить

происхождение мира. Она проявляется посредством тотемных мифов и религиозных (языческих) представлений и в наслоении на них мотивов более позднего времени. К примеру, в дагестанских волшебных (богатырских) сказках обнаруживается типологическое подобие с финско-прибалтийскими (ижорскими, эстонскими, карельскими) рунами об огромном быке, содержащими древнее представление об общинной принадлежности этого могучего животного.

С образом быка связаны древнейшие мифологические мотивы и обряды дагестанских народов. По мусульманским воззрениям и мифам аварцев («Отчего происходит землетрясение»), земля покоится на рогах быка, стоящего на огромной рыбе, которая погружена в воду; когда периодически бык шевелится, то происходят землетрясения [30, с. 79]. Такого рода космогонические представления встречаются у кумыков. По их мнению, земля состоит из семи слоёв. Под самым нижним слоем стоит огромный бык, на рогах которого держится Вселенная. Когда бык перекидывает землю с одного рога на другой, происходит землетрясение. Символика быка как воплощения космического начала характерна для многих мифологических повествований [11, с. 339]. В табасаранском мифе Красный бык также находится под землёй и удерживает небосвод на своей спине. Когда бык пошевелит ухом – земля трясётся, пошевелит спиной – может наступить конец света.

В обрядовых действиях народов Дагестана образ быка ассоциируется с силой, обеспечивающей плодородию земли. Этим и объясняется главенствующая роль животного на празднике первой борозды, рассматриваемой исследователями «как символ мужского производительного начала» [18, с. 8].

Обнаруживается отдалённое типологическое сходство мифов и мифологических сюжетов дагестанских народов с космогоническими рунами финно-угорских народов (финнов, эстонцев, карел) и мифами манси и хантов. Руны о сокрытии или похищении солнца в различных контаминациях частично соответствуют мифологическим преданиям народов Дагестана. Типологической параллелью к таким рунам является сюжет лакского народного мифа «Солнце и Куртма» [27, IV, с. 118–127]. В нем повествуется о том, как каждый вечер загадочное мифологическое существо Куртма, напоминающее владыку подземно-подводного мира – ящера (известного и в славянском фольклоре), заглатывает Солнце и уводит его в подземное пространство. Подобный сюжет, где солнце было похищено старухой Лоухи, представлен в эпосе «Калевала» и других северно-карельских рунах, записанных в первой половине XX в.

Частичной аналогией ижорской руны о похищении солнца Иисусом, сочетающей древние мифологические и библейские и мусульманские представления, является аварское предание «Как стали поклоняться Солнцу» [18, с. 161]. В нем почитание Солнца связывают с пророком Адамом (по Корану первым человеком, сотворённым Аллахом).

Немаловажное место в фольклоре финно-угорских и дагестанских народов занимают легенды, восходящие к мифам. «На раннем этапе развития общественного сознания историческое освоение мира находилось в синкретическом единстве с мифологическим, поэтому многие фольклорные тексты носят мифический характер» [12, с. 99]. Примером может послужить мотив непорочного зачатия (партеногенез), получивший широкое распространение в ортодоксальных религиях и представленный в эпических произведениях многих народов мира. Речь идёт о герое-младце (богатырь), рождённом от воды, солнечных лучей, от съеденных ягод или фруктов, от костной муки, изготовленной из черепа (как герой лезгинского народного эпоса «Шарвили» и ногайского народного эпоса «Эдиге»), от мухи, проникшей в тело матери (один из вариантов рождения богатыря Шарвили) [27, V, с. 118] и т. д.

Так, у хантов и манси известны мотивы чудесного рождения по велению небесного бога [20, с. 177–178; с. 220–237]. Интересен также сюжет хантыйской сказки «Мужчина Мось, рождённый из колена женщины» [20, с. 90–94], в котором герой рождается из камня в колена женщины. Он сражается с людоедами Ялянями, чтобы освободить землю от этих чудовищ. В обско-угорском фольклоре встречаются мотивы зачатия от съеденных ягод, от слюны и т. д.

Повествование о «чудеснорожденных» молодцах (богатырях) встречается и в заключительной песне карело-финского эпоса «Калевала», где говорится о рождении удивительного ребёнка. Его матерью была девственница по имени Марьятта. Она забеременела после того, как вкусила ягоды брусники. Здесь очевидна параллель с новозаветной историей о рождении Иисуса Христа.

Мотив чудесного рождения описан и в лезгинской религиозной легенде «О рождении пророка Исы (Иисуса)» [27, X, с. 137–138]. Аналогичный коранический сюжет содержится в «Повествовании о рождении пророков Яхьи, сына Закарьи, и Исы (мир им)» [26, с. 274–277].

Приведённые фольклорные параллели позволяют вспомнить определение жанра: «Народная легенда есть прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией» [23, с. 271].

Народная притча о партеногенезе базируется на вере в родство человека с каким-либо животным или растением, иногда неодушевлённым предметом. В фольклоре многих народов прослеживаются архаичные отголоски тотемистических представлений о культе медведя и родственной связи с ним.

По религиозно-мифологическим воззрениям дагестанцев медведь является их тотемным предком и хранителем рода. Согласно преданиям, человек, якобы, произошёл от медведя после вступления в супружескую связь с человеком. Если тотемный союз заключался через женщину, то речь шла о матриархальных корнях мифов данного региона. И, наоборот, если в мифе рассматривается связь между человеком-самцом и зверем-самкой, то это свидетельствует о том, что данный мотив проявлен в фольклоре патриархального периода.

Типологически сходные воззрения о медведе как тотемном родоначальнике, бытуют у аварцев – «Полумедведь-получеловек», «Ашура и медведь», «О встрече с медведем», «Медвежье ухо». Мотивы связи человека и зверя лежат в основе ряда сказок, в частности даргинская сказка «Девочка и медведь».

Однако представления народов Дагестана, связанные с культом медведя при сопоставлении с верованиями финно-угорских народов, весьма скудны и недостаточны. В обществе таёжных охотников медведь являлся не столько олицетворением культа мужского начала, сколько выражает представления о фратриальном духе (примирении души человека и зверя), об умирающем и воскрешающемся звере. Представления о медведе как сущности в мужской ипостаси у манси, например, появились позднее, чем о медведице (*женское начало*). В честь медведя устраивались медвежьи праздники и пляски. Медведя плясали (праздновали) два дня, если добыт медвежонок, четыре дня, если добыта медведица (самка); пять дней, если добыт медведь (самец). Сюжеты о сыне медведя могли возникнуть в период распада тотемных верований «в связи с переходом первобытных охотников, ведущих свою генеалогию от животного предка, к оседлому земледелию» [15, 55–56]. В обско-угорской мифологии сюжеты о сыне медведя возникли в период переселения людей с верховьев уральских рек в низовье, к Оби, что обеспечивало расширение территории проживания [29, 24; 13, 110]. Культ медведя, представления о родственной связи с ним характерны для многих народов [4], [31], [2].

Как известно, древнейшим пластом фольклора народов Дагестана является героический эпос, который перекликается с нартским эпосом народов Северного Кавказа. Эпический герой дагестанских песен и сказаний унаследовал черты исполинов древних мифов. В относительно позднее историческое время, под влиянием монотеистической религии ислам, у дагестанских народов наблюдается сниженная трактовка положительных образов богатырей: они изображаются как безропотные, неприятельные работники. Такая интерпретация образа великана встречается в международных сказочных сюжетах о глупом существе (которое часто имеет демонический характер), одураченном находчивым человеком (сюжеты сказок о «глупом великане», «об одураченном черте»). В ней выражены социальные мотивы, «поступки героя определяются эстетической задачей осмеяния враждебных народу классов и сословий» [27, III, с. 27].

Неожиданно обрисован образ шайтана в удмуртской народной сказке «Как человек шайтана перехитрил» [19, с. 167–171]. В удмуртском фольклоре шайтан – отрицательный персонаж. Он чаще всего представлен в сказочном эпосе как образчик лживости, коварства, предательства, лицемерия и хитрости. Он сеет смуту между людьми, обманом побуждает их к вражде.

Образ шайтана у удмуртов близок обско-угорскому образу *менгкв* (манс.), *менгк* (хант.). *Менгкв*'ы (*менгки*) постоянные персонажи мифов и сказок: великаны, имеют от одной до семи голов, одеты в шкуры, общаются только посредством свиста. В древних мифах они воины, охранители, в мифах нового времени – людоеды, глупые великаны. Они имеют семьи, являются хорошими охотниками [21].

По верованиям дагестанцев шайтаны антропоморфны. Они, как и люди, женятся, имеют семьи, хозяйство. Шайтаны живут общинами (*тухумами*), оплакивают покойных (как это представлено в аварском рассказе «Встреча с шайтанами») и т. д.

Народы Дагестана различных мифологических духов, связанных с природой, называют шайтанами и джиннами. Это термины арабского происхождения, которые проникли в Дагестан с принятием ислама. В доисламском периоде под джиннами подразумевались «стихийные духи природы», «созданные из чистого огня» [22, с. 66]. В отличие от джиннов, которые могут выступать в роли добрых и злых

духов, шайтаны зачастую представлены как отрицательные персонажи. В интерпретации демонологического персонажа (шайтана) у разных народов нет значительных расхождений, что говорит об устойчивой устойчивости традиционных воззрений, связанных с этим образом. Однако с проникновением ислама в Дагестан функции добродетельных мифологических персонажей передаются шайтанам, которые становятся покровителями людей.

Близость финно-угорского и дагестанского фольклора проявляется через типологические связи отдельных мотивов (например, магического перевоплощения), которые объясняются различными исторически детерминированными факторами. Например, герои-антагонисты карело-финских рун в ходе единоборств могут перевоплощаться в разные зооморфные существа или наделяются способностью насыпать друг на друга своих тотемных животных. При преследовании герой или героиня превращаются в рыбу или птицу. Например, в хантыйском мифе «Священное сказание о Желанном Богатыре – Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света» [20, с. 105–125] герой и его жена принимают свой изначальный зооморфный облик – гусей. В мансийской сказке «Младший брат-гусь» [20, с. 463–467] герой в облике гуся выполняет функции царя и становится мужем младшей царевны.

К древнейшим мифологическим пластам фольклора народов Дагестана относятся устные рассказы и предания о покровителях лесов, зверей, охоты. Покровитель может быть представлен в зооморфном облике тура, марала, змеи. Например, «Дочь кажа», «Охотник Чилав» (аварские), «О марале», «Чудесный дар марала» (рутульские) и др.

Мифологические мотивы, отражающие представления о «двойной» – антропоморфной и зооморфной – природе персонажа, представлены в рутульском предании «Змея бездетных родителей» [27, IV, с. 137–139]. Характерная особенность этого сюжета – переплетение мифологических элементов со сказочными (мотивы замужества девушки, её чудесное превращение ночью в змеёныша).

В эпоху бытования зооморфных представлений зооморфную форму приобретают и образы чудесных близнецов. Они обычно превращаются в птиц: «О превращении девушки в удода» (аварское), «О превращении сестры в филина» (даргинское), «Аисты» (кумыкское), «Кукушки», «Удод» (рутульские).

Мотивы перевоплощения героев в различных животных встречаются не только в мифологической прозе разных народов, но и в волшебных сказках. Особое внимание в сказочном эпосе привлекает мужской персонаж – младший брат. «Идеализация младшего брата в волшебной сказке – социальное явление. Это частное выражение (специфичное для волшебной сказки) демократического протеста против возникавшего в период разложения родового строя классового неравенства» [17, с. 64].

Герой волшебных сказок угорских народов отличается добродушием и незлобностью, которые можно интерпретировать устойчивостью родоплеменных связей. Те же черты проявляются в герое хантыйской сказки «Небесного отца младший сын»¹. Иначе представлен образ младшего брата в ряде дагестанских волшебных сказок, где ему свойственно коварство.

Движущим мотивом мифических и сказочных жанров финно-угорских и дагестанских народов является мотив женитьбы. Герой сказания получает просьбу или наказ от отца, правителя, местного населения; он вступает в противоборство с заклятым врагом, которого побеждает умом или силой. В знак благодарности получает красивую и умную невесту. Здесь прослеживается понимание добра и зла, сложившееся у первобытнообщинных народов. Так в хантыйской сказке «Бабушка Сясами и внук Имихилы» [3, с. 66–73] герой за преодоление трудностей и победу над злыми лесными духами менгк'ами одаривается молодой красивой невестой. Исключительность девушки объясняется способом её появления в доме Имихилы: он наступил на тлеющий уголь, выпавший из очага, уголёк вспыхнул, выстрелил искрой, и перед ним предстала Султум в красивой сах-шубе. Соответствия этому сюжету можно обнаружить при сравнительно-сопоставительном анализе многочисленных угорских и дагестанских сказок о поисках исчезнувшей или похищенной жены.

Примечательно, что в сказках народов Дагестана часто упоминаются экзотические животные, которые в этом краю не обитают. В кумыкской волшебной сказке «Плешивая плутовка говорит, чтобы зарезали, гость, бедняга, говорит, чтобы оставили!» [27, II, с. 586–592] повествуется о том, как в местном озере был обнаружен кит: «...убили кита и распорол его брюхо. Распорол, а оттуда выходит Патимат, держа в руках златовласого, белолобого мальчика». Некоторые элементы этого сюжета, имеющего международную типологическую основу, обнаруживаются в хантыйской волшебной сказке

¹ Хантыйская сказка «Небесного отца младший сын» («Төрэм җон ай пәх»). ОУИПИИР. ХМФ 1503. ХР. 01.00.00 Объем текста в п.л.: 1,3. Собиратель: Ермакова Р.И. Информант: Усанов Я. Н.

«Младший сын царя» [3, с. 73–87], где рассказывается о том, что двухмачтовый корабль царевича очутился в огромном тёмном желудке морского чудовища. Подобный мотив содержится и в прибалтийско-финской руне об Антеро Випунене, где огромная щука проглатывает кузнеца Ильмойллини. Во всех случаях сказочные герои при помощи ума, сноровки, сверхъестественных сил высвобождаются из «плена».

В фольклоре разных народов обнаруживаются мотивы насильственного умерщвления или захоронения людей преклонного возраста. Эта жестокая практика бытовала повсеместно. Например, в южно-карельской руне, изображающей борьбу со смертью, встречается мотив захоронения пожилых людей живыми. Этот эпизод перекликается с мотивом дагестанских преданий, согласно которым у горцев в старину существовал обычай бросать нетрудоспособных стариков в пропасть [16, с. 9–10; 10, с. 51]. Этот древний обычай лёг в основу многих притч: аварской – «Отец и сын», общедагестанской – «Свёкор и невестка».

Типологические связи наблюдаются также между карело-финскими рунами и дагестанскими волшебными сказками, возможно относящимися к эпохе патриархального гнёта. Подобно героям ижорских (карело-финских) рун (пастуху Куллерво, сыну убитого Калервы, герою широко известного эпического предания «О вожде-богатыре ‘Светлый как Ядрышко Шишки богатырь’ и его сыне») герой дагестанских сказок Рустам вступает в конфликт с падишахом, дэвами, чтобы отомстить за смерть своего отца. В хантыйском героическом сказании о Лампаске и его внуке [20, с. 136–141], подросток герой также отправляется в город врагов мстить за отца.

Взаимообогащение фольклорных сюжетов и мотивов разных народов прослеживается на разных этапах исторического развития. Типологические схождения между финно-угорским и дагестанским фольклором имеются и в текстах относительно позднего происхождения. Так, в романтическом эпосе (в любовных балладах финно-угорских народов), в значительной мере в карело-финском фольклоре, и в дагестанских легендах) можно отметить параллели между заключительными эпизодами карельской баллады о гибели влюблённых, на могилах которых выросли деревья и переплелись ветвями, и лезгинском народном мифологическом повествовании о неразлучных влюблённых, якобы обладавших магическими способностями. Следует отметить, что мотив превращения влюблённых в деревья является общемировым [6], [25].

В результате наблюдений над типологическими сходствами устно-поэтического творчества финно-угорских и дагестанских народов можно сделать вывод о том, что наличие соответствий объясняется единством цивилизационных процессов: все народы прошли определённые материально-культурные, формационные периоды, которые, независимо от занимаемых территорий, породили схожие темы, мотивы, сюжеты и образы, в фольклоре всех народов отразились трудные социально-экономические условия жизни. Вопрос об историческом формировании и генезисе всей системы фольклорных сюжетов является очень сложным и требует комплексного подхода, который невозможно осветить в рамках одной статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджиев А.М. Материалы к предварительному обсуждению проекта проспекта свода «Памятники фольклора народов Северного Кавказа. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2015. 44 с.
2. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 238 с.
3. Антология фольклора народностей Сибири, Севера и Дальнего Востока / сост. В.М. Санги. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1989. 490 с.
4. Богораз-Тан В.Г. Миф об умирающем и воскрешающем звере // Художественный фольклор / под ред. Ю. Соколова. М.: Мосполиграф, 1926. № 1. С. 67–76.
5. Бурыкин А.А. Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов. Тюмень: ФОРМАТ, 2017. 416 с.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. литература, 1940. 648 с.
7. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
8. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: [б. и.], 1998. 354 с.
9. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: История изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 258 с.
10. Гаджиев Б.И. Легенды и были Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 329 с.
11. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 387 с.

12. Гашарова А.Р. Художественное отражение коранических и библейских сюжетов и образов в фольклоре лезгин // *Исламоведение*. 2019. Т. 10. № 1. С. 97-107. DOI: [10.21779/2077-8155-2019-10-1-97-107](https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-1-97-107)
13. Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 239 с.
14. Коми народный эпос / сост. А.К. Микушев. М.: Наука, 1987. 685 с.
15. Конкка У.С. Карельская сатирическая сказка. М.; Л.: Наука. [Ленингр. отделение], 1965. 152 с.
16. Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. 240 с.
17. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.: Академия Исследования Культуры; СПб.: Традиция, 2005. 237 с.
18. Мифология народов Дагестана. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1984. 188 с.
19. Мифы, легенды и сказки удмуртского народа / переложение и лит. обработка Н. Кралиной. Ижевск: Удмуртия, 1995. 202 с.
20. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
21. Панченко Л.Н. Лесной великан Менкв – персонаж мансийского фольклора // *Вестник угроведения*. 2018. Т. 8. № 4. С. 658–671.
22. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1966. 400 с.
23. Пропп В.Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов В.Я. Проппа) / сост., предис. и ком. А.Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
24. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Сев. дом, Сев.-Сиб. рег. кн. изд-во, 1993. 208 с.
25. Русские народные баллады / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Д.М. Балашова. М.: Современник, 1983. 311 с.
26. Саид-афанди аль-Чиркави. Истории пророков. 1-я часть. Махачкала: Нуруль Иршад, 2008. 384 с.
27. Свод памятников народов Дагестана: в 20-ти томах / под ред. акад. Г.Г. Гамзатова (т. 2, 3), проф. М.И. Магомедова (т. 4, 5), проф. А.Т. Акамова (т. 10). М.: Наука. Т. 2. 2011. 653 с.; Т. 3. 2013. 566 с.; Т. 4. 2012. 294 с.; Т. 5. 2015. 588 с.; Т. 10. 2021. 512 с.
28. Фольклор народов РСФСР: Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1987. 160 с.
29. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // *Советская этнография*. 1939. № 2. С. 20-42.
30. Чурсин Г.Ф. Авары: этнографический очерк. 1928 г. / науч. ред. Р. И. Сефербеков. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. 120 с.
31. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смиловича, 1936. 572 с.
32. Adzhiev A.M., Alieva F. A., Gasharova A. R., Murtuzaliev Yu. M., Mukhamedova F. Kh. Dagestan people folklore phenomenon as a unity in diversity // *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. 2018, March. Special Edition. Pp. 475-481.
33. Gasharova A.R. Folklore of the peoples of Dagestan // *Humanities & Social Sciences Reviews*. 2021. Vol. 9. No. 4: July. Pp 04–07. <https://doi.org/10.18510/hssr.2021.942>
34. Gasharova A.R. Sound Organization And Poetic Forms Of Lezgi Folk Proverbs And Sayings // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpsBS)*. 2020. Vol. 92. SCTMG. Pp. 1774–1779. DOI: [10.15405/epsbs.2020.10.05.234](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.234)
35. Gerasimova S.A. Mansi heroic songs: plots and motives // *International Conference «Science and innovations 2021: development directions and priorities»* (September 29, 2021, Melbourne, Australia). Melbourne, Australia: Scientific publishing house Infinity, 2021. Pp. 94-100.

Поступила в редакцию: 26.09.2023

Гашарова Аида Руслановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Институт языка, литературы и искусства имени Гамзата Цадасы»
Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук
367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45
E-mail: aida.2015@yandex.ru
ORCID.org: 0000-0002-1651-1740

A.R. Gasharova

FINNO-UGRIAN FOLKLORE IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE STUDY WITH THE FOLKLORE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN: TYPOLOGICAL COMMONALITY AND SIMILARITIES

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-481-488

The article presents typologically common or similar folklore texts of the Finno-Ugric and Dagestan peoples; they highlight ethnospecific features through which national culture, traditions, identity and mentality are manifested. The purpose of the work is to consider the features of the folklore of the peoples belonging to the Finno-Ugric group of languages, and to identify them for correspondence in the oral creativity of the peoples of Dagestan, in order to establish typological connections between them. The work draws conclusions about the similarity and commonality of folklore stories, as well as the nationally specific originality of each of the nationalities under consideration. Based on the genetic research method, we provide conclusions about the main sources and the most important reasons that gave rise to the typological commonality and convergence in the folklore materials cited. The scientific novelty of the research is seen in the fact that, on the basis of factual material, the degree of convergence of some plots and motifs of unrelated peoples is explored, the historical realities of which can determine the reasons for commonality in oral and poetic creativity. This topic has practically not been considered or researched before.

Keywords: folklore, Finno-Ugric peoples, peoples of Dagestan, typological kinship, folklore parallels.

REFERENCES

1. Adzhiev A.M. Materialy k predvaritel'nomu obsuzhdeniyu proyekta prospekta svoda «Pamyatniki fol'klora narodov Severnogo Kavkaza [Materials for preliminary discussion of the draft prospectus of the collection “Monuments of folklore of the peoples of the North Caucasus]. Makhachkala, IYALI DNTS RAN Publ., 2015, 44 p. (In Russian).
2. Anisimov A.F. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovaniy [Religion of the Evenks in the historical and genetic study and the problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, 238 p. (In Russian).
3. Antologiya fol'klora narodnostey Sibiri, Severa i Dal'nego Vostoka [Anthology of folklore of the peoples of Siberia, the North and the Far East]. Comp. V.M. Sangi. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk book publ. house, 1989, 490 p. (In Russian).
4. Bogoraz-Tan V.G. Mif ob umirayushchem i voskreshayushchem zvere [The myth of the dying and resurrecting beast] // Khudozhestvennyy fol'klor [Art folklore]. Moscow, Mospoligraf Publ., 1926, no. 1, pp. 67-76. (In Russian).
5. Burykin A.A. Khantyyskiye skazki i fol'klor uralo-altayskikh narodov [Khanty tales and folklore of the Ural-Altai peoples]. Tyumen, FORMAT LLC Publ., 2017. 416 p. (In Russian).
6. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Leningrad, Hudozh. Literature Publ., 1940. 648 p. (In Russian).
7. Vladykin V.E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and mythological picture of the world of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1994, 383 p. (In Russian).
8. Vladykina T.G. Udmurtskiy fol'klor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk, [b. i.], 1998, 354 p. (In Russian).
9. Voldina T.V. Khantyyskiy fol'klor: Istoriya izucheniya [Khanty folklore: History of study]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002. 258 p. (In Russian)
10. Gadzhiev B.I. Legendy i byli Dagestana [Legends were Dagestan]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1991, 329 p. (In Russian).
11. Gadzhieva S.Sh. Kумыки: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye [Kumyks: Historical and Ethnographic Research]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 387 p. (In Russian).
12. Gasharova A.R. Khudozhestvennoye otrazheniye koranicheskikh i bibleyskikh syuzhetov i obrazov v fol'klоре lezgin [Artistic reflection of Koranic and biblical plots and images in Lezghin folklore] // Islamovedeniye [Islamic Studies], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 97–107. (In Russian).
13. Gemuev I.N., Baulo A.V. Svyatilishcha mansi verkhov'yev Severnoy Sos'vy [Sanctuaries of the Mansi in the upper reaches of the Northern Sosva]. Novosibirsk, Izd. IAET SO RAN Publ., 1999. 239 p. (In Russian).
14. Komi narodnyy epos [Komi folk epic] / comp. A. K. Mikushev. Moscow, Nauka Publ., 1987. 685 p. (In Russian).
15. Konkka U.S. Karel'skaya satiricheskaya skazka [Karelian satirical tale]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ. [Leningr. otdeleniye], 1965, 152 p. (In Russian)
16. Magomedov R.M. Legendy i fakty [Legends and facts]. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1969. 240 p. (In Russian).
17. Meletinskiy Ye.M. Geroy volshebnoy skazki: proiskhozhdeniye obraza [Hero of a fairy tale: the origin of the image]. Moscow, Academy for Cultural Research Publ., St. Petersburg, Tradition Publ., 2005, 237 p. (In Russian).
18. Mifologiya narodov Dagestana [Mythology of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, Tipografiya Dagestanskogo filiala AN SSSR Publ., 1984, 188 p. (In Russian).

19. Mify, legendy i skazki udmurtskogo naroda [Myths, legends and tales of the Udmurt people]. Arranged and lit. processing by N. Kralina. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1995, 202 p. (In Russian).
20. Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Comp., foreword. and note N. V. Lukina. Moscow, Nauka Publ., 1990. 568 p. (In Russian).
21. Panchenko L.N. Lesnoy velikan Menkv – personazh mansiyskogo fol'klora [Forest giant Menkv – a character of Mansi folklore] // Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]. 2018, vol. 8, no. 4, pp. 658–671. (In Russian).
22. Petrushevskiy I.P. Islam v Irane v VII–XV vv. [Islam in Iran in the 7th-15th centuries]. Leningrad, Publ. house Leningrad. University, 1966, 400 p. (In Russian).
23. Propp V.Ya. Poetika fol'klora (Sobiraniye trudov V.Ya. Proppa) [Poetics of folklore (Collected works of V. Ya. Propp)]. Compilation, preface and comments by A.N. Martynova. Moscow, Labirint Publ., 1998, 352 p. (In Russian).
24. Rombandeeva E.I. Istoriya naroda mansi (vogulov) i yego dukhovnaya kul'tura [The history of the Mansi people (voguls) and its spiritual culture]. Surgut, Northern House, North Siberian Regional Book Publ., 1993. 208 p. (In Russian).
25. Russkiye narodnyye ballady [Russian folk ballads]. Prepared. text, entered. art. and note. D. M. Balashova. Moscow, Sovremennik, 1983, 311 p. (In Russian).
26. Said-afandi al'-Chirkavi. Istoriy prorokov. 1-ya chast' [The stories of the prophets. 1st part]. Makhachkala, Nurul' Irshad Publ, 2008. 384 p. (In Russian).
27. Svod pamyatnikov narodov Dagestana: v 20-ti tomah [Code of folklore monuments of peoples of Dagestan: in 20 volumes]. Ed. by acad. G.G. Gamzatov (2, 3 tom.), prof. M.I. Magomedov (4, 5 tom), prof. A.T. Akamov (10 tom). Moscow: Nauka Publ. Vol. 2. 2011. 653 p.; Vol. 3. 2013. 566 p.; Vol. 4. 2012. 294 p.; Vol. 5. 2015. 588 p.; Vol. 10. 2021. 512 p. (In Avar, Agul, Dargin, Kumyk, Lak, Lezgin, Nogai, Rutul, Tabasaran, Tat, Tsakhur, Russian).
28. Fol'klor narodov RSFSR: Mezhevuzovskiy nauchnyy sbornik [Folklore of the peoples of the RSFSR: Interuniversity scientific collection]. Ufa, Publ. House of the Bashkir University, 1987, 160 p. (In Russian).
29. Chernetsov V.N. Fratral'noye ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva [Fratral structure of the Ob-Yugor society]. Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 1939, no. 2, pp. 20-42. (In Russian).
30. Chursin G.F. Avary: etnograficheskiy ocherk 1928 g. [Avars: an ethnographic sketch. 1928]. Ed. R.I. Seferbekov. Makhachkala, IIAE DNTS RAN Publ, 2008, 120 p. (In Russian).
31. Shternberg L.Ya. Pervobytnaya religiya v svete etnografii: Issledovaniya, stat'i, lektzii [Primitive religion in the light of ethnography: Research, articles, lectures]. Leningrad, Publ. house of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR P.G. Smidovich, 1936, 572 p. (In Russian).
32. Adzhiev A.M., Alieva F.A., Gasharova A.R., Murtuzaliev Yu.M., Mukhamedova F.Kh. Dagestan people folklore phenomenon as a unity in diversity. The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. March, 2018, Special Edition, pp. 475–481. (In English).
33. Gasharova A.R. Folklore of the peoples of Dagestan. Humanities & Social Sciences Reviews, 2021, vol. 9, no. 4, pp 04–07. <https://doi.org/10.18510/hssr.2021.942> (In English).
34. Gasharova A.R. Sound Organization And Poetic Forms Of Lezgi Folk Proverbs And Sayings. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpsBS), 2020, vol. 92, SCTMG, pp. 1774-1779. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.234 (In English).
35. Gerasimova S.A. Mansi heroic songs: plots and motives. International Conference «Science and innovations 2021: development directions and priorities» (September 29, 2021, Melbourne, Australia). Melbourne, Australia, Scientific publishing house Infinity, 2021. Pp. 94–100. (In English).

Received 26.09.2023

Gasharova A.R., Candidate of Philology, Senior Researcher
The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Federal Research Center,
Russian Academy of Sciences,
M. Gadzhieva st., 45, Makhachkala, Russia, 367000
E-mail: aida.2015@yandex.ru
ORCID.org: 0000-0002-1651-1740